

ПУТЯМИ ПИЛИГРИМОВ

Выставка с таким названием, посвященная русскому палеографу и историку западноевропейского Средневековья, члену-корреспонденту Академии наук О. А. Добиаш-Рождественской открылась в Библиотеке Российской академии наук.

ТЕКСТ_АЛЕКСАНДР КЛЕМЕНТЬЕВ

Среди иссохшей целины советской исторической науки труды родившейся 150 лет назад дочери чешского эмигранта Ольги Антоновны Добиаш-Рождественской (1874–1939) смотрятся сияющим цветущим чертополохом — прекрасным и недоступным одновременно... Но нам возможно обонять его вычурные цветы, и за столетие не увядшие. На юбилейной выставке в БАН мы собрали их в пышный букет и впервые представляем исчерпывающе все сочинения, что автор опубликовала на русском языке. Их аромат погружает читателя в объятия не устающего жить прошлого, которое и сегодня вокруг нас — в тех возделанных уголках, куда устремлялись христианские пилигримы тысячу лет назад и которые ждут нас и сегодня.

Следуя настоятельной рекомендации И. М. Гревса — своего учителя, воспитавшего методом погружения в изучаемую эпоху несколько поколений медиэвистов-западников, Ольга Антоновна изучала события прошлого там, где они совершались: 1908–1911 годы прожила во Франции, училась в Сорбонне, в Школе Хартий и в Школе Высших исследований, под руководством почти гениального Шарля-Виктора Ланглуа и не совсем гениального Фердинанда Лота собирала материалы в Национальной библиотеке и множестве архивов и в 37 лет защитила в Сорбонне диссертацию о приходской жизни во Франции XIII века (год спустя получив за нее же в Петербурге степень магистра всеобщей истории).

В печальном году 1917 она станет первой и единственной в прежней России женщиной — доктором всеобщей истории. Степень принесла ей малотиражная — литографированная — книга «Куль св. Михаила в латинском средневековье V–XIII вв.». Это лучший интеллектуальный путеводитель для современного склонного мыслить паломника, ведь и «У архангела, по крайней мере на Западе, есть своя содержательная историческая биография». Докторское сочинение О. А. Добиаш (как, впрочем, почти любое ее сочинение) — своеобразный итинерарий в христианскую повседневность Средневековья; живая красота развертывающегося повествования быстро врачует даже в очень воспаленном сознании вновь просыпающиеся отечественные бредни о западных еретиках. И общие впечатления от соприкосновения с переживаниями средневековых пилигримов получают выражение, «прозрачное, как воздух нормандской осени».

Особенности бытования историков после советского погрома и без того не особо яркой русской науки закрепили за Добиаш более всего славу автора «Истории письма в Средние века» — руководства по латинской палеографии (1923).

На этом фоне судьба Ольги Антоновны сложилась невероятно счастливо: её не выслали, не арестовывали надолго, не лишали права публиковаться и даже поначалу выпускали из Триэсерии в Европу, где она общалась с двумя другими любимейшими учениками Гревса — Л. П. Карсавиным, высланным в Германию и вскоре получившим кафедру во временной столице Литвы Каунасе, и Н. П. Оттокар — профессором уже Флорентийского университета. Именно Оттокар остается, пожалуй, единственным русским медиэвистом, чьи исследования и мысли хоть как-то учитываются мировой наукой...

В 1929-м Добиаш и вовсе возвели в члены-корреспонденты АН СССР и даже в ней оставили... Она этим пользовалась, большевиков не поносила и, внешне крайне осторожная... при своих нечастых перемещениях выполняла очень и очень скользкие поручения и друзей молодости, и своего старого учителя, в чем, быть может, усматривала особое, тонкое удовольствие... Именно ей обязаны были возможностью читать зарубежные новейшие — и лютые антисоветские — издания облеченные известным доверием её невыездные современники. И, что особенно трогательно, получать их официально — в Библиотеке Академии наук...

9 мая 1926 года Карсавин писал об Ольге Антоновне в Париж П. П. Сувчинскому: «Дама, обладающая *changement*ом, вопреки своей наружности, восторженная и немного риторическая. Очень склонна к обобщениям, хотя себе начертывает путь сурового долга. Впечатлениям ее особенно доверять нельзя; полагаться на нее можно всецело, но она принципиально-осторожна. Я ее очень люблю и ценю. И по существу у нее более связи с реальностью, чем, например, у Федотова. Общение с ней Вам будет очень интересным».

В наши дни пока что свободного передвижения по Европе, когда величайшие святыни христианства встречают нас благосклонно и с полуторатысячелетним достоинством, у каждого есть возможность выбора. Поэтому можно предварить собственное путешествие тщательным знакомством с книгами и планами маршрутов, составленными странниками и учеными прежнего столетия. Из их числа

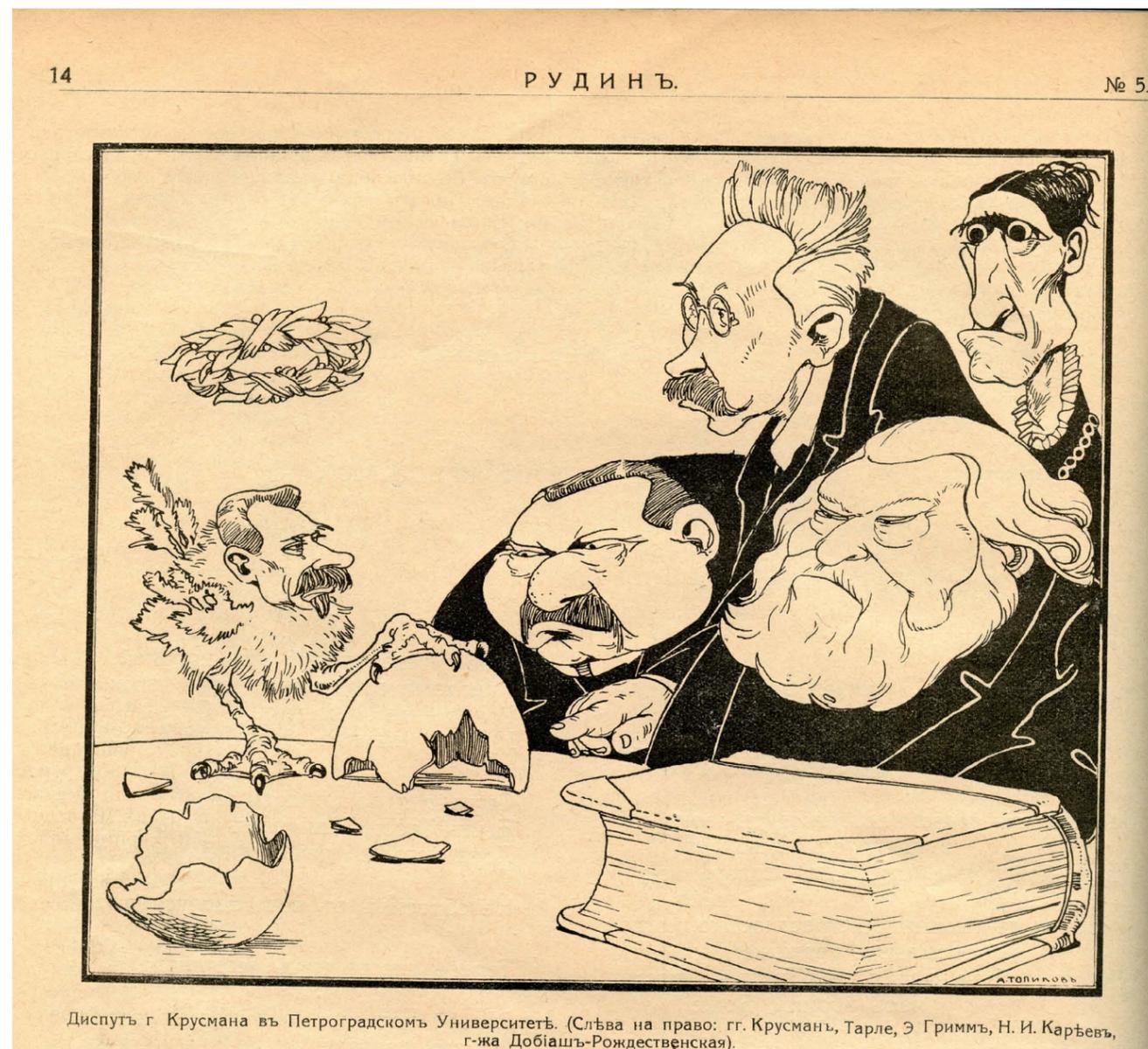

Первая в России женщина-доктор истории
Ольга Антоновна Добиаш-Рождественская.
Портрет работы художника Г. Верейского.

Г. Верейский. Портрет О. А. Добиаш-Рождественской. Журнал «Нива», № 30, 1918

особенно нужны и полезны четыре работы именно Ольги Антоновны: 1. «Западные паломничества в Средние века» (Петербург, 1924), откуда уясним мотивы, главные направления и условия странствий наших предшественников и выберем подходящее нам; 2 и 3. «Западная Европа в Средние века» (Петербург, 1920) и «Эпоха Крестовых походов (Запад в Крестonosном движении)» (Петроград, 1918), из которых выясним обстоятельства рождения того, что стремимся увидеть и узнать в предстоящем

странствии; 4. «Что такое Франция в прошлом и настоящем и за что она воюет» (Петроград, 1917), где автор разъясняет исключительность и полезность французской политической культуры как образца на все времена для прочих народов мира. Особенно интересна будет читателям всякого возраста книга «Крестом и мечом. Приключения Ричарда I, Львиное сердце» (Ленинград, 1925), научно и увлекательно повествующая о судьбе, возможно, самого привлекательного в истории монарха...

Диспутъ г. Крусмана въ Петроградскомъ Университетѣ. (Слѣва на право: гг. Крусманъ, Тарле, Э. Гриммъ, Н. И. Карѣвъ, г-жа Добиашъ-Рождественская).

Петроградские историки на карикатуре А. Д. Топикова. Журнал «Рудин». Петроград. № 5, 1916

Храмъ Твой, Господи, въ небесахъ,
Но земля тоже Твой пріютъ,
Расцвѣтають липы въ лѣсахъ,
И на липахъ птицы поютъ.
Точно благовѣсть Твой, весна
По веселымъ идетъ полямъ,
А весною на крыльяхъ сна
Прилетаютъ ангелы къ намъ.
Если, Господи, это такъ,
Если праведно я пою,

Дай мнѣ, Господи, дай мнѣ знакъ,
Что я волю понялъ Твою.
Передъ той, что сейчасъ грустна,
Появись, какъ Незримый Свѣтъ,
И на все, что спроситъ она,
Ослѣпительный дай отвѣтъ.
Вѣдь отраднѣй пѣнія птицъ,
Благодатнѣй ангельскихъ трубъ
Намъ дрожанье милыхъ рѣсницъ
И улыбка любимыхъ губъ.

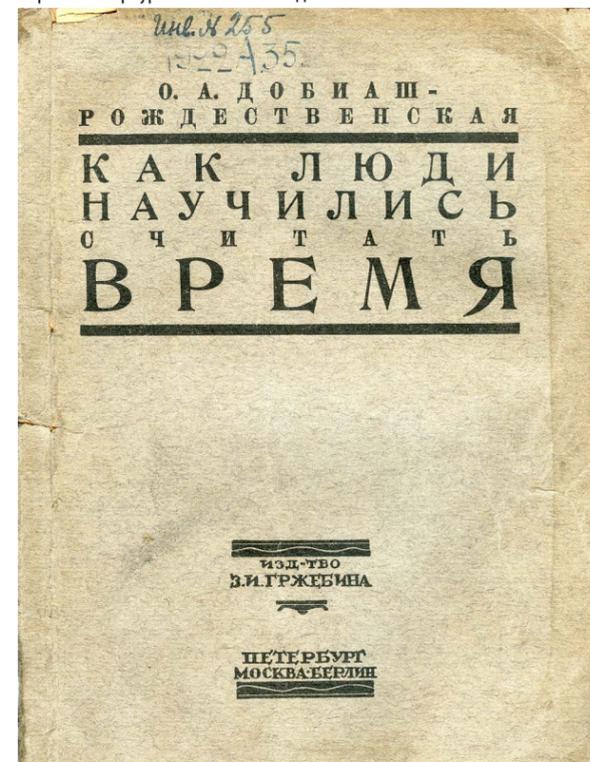
Н. Гумилевъ.

Н. Гумилев. Канцона вторая (1917). Журнал «Нива». № 30, 27 июля 1918. Стихотворение включено в вышедший несколькими днями ранее сборник «Кюстер» (Петроград, 1918)

Ленинград. 1925 год

Берлин-Петербург-Москва. 1922 год

В книгах Добиаш-Рождественской просветленный лик христианской Франции, к которому всё оборачивался с таким удовольствием погружавшийся в бездонный омут отечества и вскоре загубленный недоокультурившимися людоедами Гумилёв, столетиями светит всей христианской цивилизации. Да и не только христианской: увлекающая и просвещающая и африканцев, и азиатов, и каннаков Новой Каледонии, и иных — кому посчастливилось его разглядеть... Стихами Гумилёва же, странным образом, оказалось увенчано радостное сообщение о научном триумфе исследовательницы в читаемой всей страной «Ниве»: «Архангел Михаил был одним из наиболее чтимых святых на Западе, и г-жа Добиаш-Рождественская следит за почитанием его на протяжении восьми столетий (V-XIII), за построением в его честь храмов, за хождением на богомолье к некоторым его святыням, за появлением о нем легенд, и всё это делается ею в связи с главными течениями истории Западной Европы от эпохи переселения народов до эпохи крестовых походов. Между прочим, она опровергает мнение некоторых германских ученых, по которому культ архангела Михаила непосредственно сменил культ языческого бога Меркурия, находя, что для такого утверждения нет достаточных оснований: культ Меркурия прекратился задолго до распространения почитания архангела Михаила на Западе.» Кроме большой начитанности в источниках и пособиях, — отмечал рецензент, — О. А. Добиаш-Рождественская проявила еще «особый, интимный интерес к своему сюжету и, можно сказать, сама переживала настроения, с какими создавался интересующий её образ» (См.: Н. [Иколай] К. [ареев] Первая в России женщина-доктор всеобщей истории // Нива. № 30. 27 июля 1918).

«Новый мир открывается им, когда они видят горы и долины, светлые воды и луга, леса, города и замки — их грозною цепью опоясал всю Нормандию век Плантагенетов», — приводит Ольга Антоновна впечатления трувера XIII века Гильома de St. Pair об осеннем пути пилигримов на праздник св. Михаила в Мон Сен-Мишель: «Видят [путники] издали гору и монастырь... Церковь белеет и сверкает на солнце... Велико стечение пилигримов [...]» Обитель встречает гостей радушно. Вокруг нее вырос к XIII-му веку, вызванный потребностями паломников, целый городок. «Здесь проведены улицы и дороги, продают вино, хлеб, пироги и рыбу, птицу, фрукты и лепешки».

Пожелаем и нашим современникам поскорее прикоснуться к вечно живущим и неуконительно просветляющим и освежающим душу красочным мира европейской христианской древности и благодарно вспомним автора-юбиляра за то, что «она постоянно была свежа для его восприятия и давала возможность оживлять темное прошлое» стремящимся почтительно к нему прикоснуться... ■